

Отечественная история

УДК 94 (47) : 2

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-76-87

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ МУСУЛЬМАНСКОГО ДУХОВЕНСТВА РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Подпрятков Н. В.

*Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, Российская Федерация*

Аннотация. Целью статьи является анализ мер государственной социальной поддержки отдельных групп населения в условиях Первой мировой войны. На основе систематизации правовых документов эпохи и анализа впервые вводимых в научный оборот архивных материалов раскрываются новые категории получателей казенной материальной помощи из числа лиц мусульманского духовенства. Проведенное исследование показывает, что меры социальной помощи были адресными, направленными на поддержку ограниченного круга лиц, имевших наименьшие доходы и реально нуждавшихся в таких пособиях, и что принятые на себя государством обязательства по такой социальной защите не приводили к экстраординарным бюджетным расходам. На основе проведенного анализа установлено, что в годы войны работники мусульманских правлений были впервые приравнены к категориям государственных служащих. Статья адресована историкам, историческим социологам и историкам религий и всем интересующимся историей.

Ключевые слова: Первая мировая война, казенная помощь, ислам, духовенство, духовное управление.

SOCIAL SUPPORT FOR RUSSIAN ISLAMIC CLERGY DURING THE FIRST WORLD WAR

N. Podpriatov

*Perm State National Research University
15, Bukireva St., Perm 614990, Russian Federation*

Abstract. The purpose of the article is to analyze the measures of state social support for certain population groups during the First World War. Systematization of legal documents from that period and analysis of archival materials for the first time introduced into scientific circulation have allowed new categories of the recipients of state income support among the Muslim clergy to be identified. The study shows that social assistance measures were targeted. These measures were aimed at supporting a limited number of people in need with the lowest incomes. The

state's obligations with respect to such social protection did not lead to extraordinary budget expenditures. It is established that, during the war years, the Muslim clergy were assimilated to the categories of civil servants for the first time. The article is addressed to historians, sociologists and religious scholars, as well as everyone interested in Russian history.

Keywords: World War I, state support, Islam, Clergy, Muslim spiritual institutions.

Социальные практики государственного призрения стали реализовываться только в конце XIX – начале XX вв. Россия не являлась исключением. И к началу мировой войны эти практики еще не стали общепринятой нормой и не выработали устойчивой государственной формы, превратившись в стройные институты. Другими словами, процессы организации социальной помощи были далеки от своего завершения и находились в состоянии активной разработки и внедрения. Как и везде в мире, в России сначала была организована такая государственная поддержка военнослужащим (и бывшим военнослужащим – больным, увечным, раненым), а также членам их семей. И только затем эта практика стала переноситься и на другие категории населения.

Проблема содержания мулл в отечественной исторической науке глубоко и всесторонне не исследовалась. В 1920-е – 1930-е гг. XX в. это, в основном, было связано с агрессивной антирелигиозной пропагандой, которая развернулась в стране и идеологизировала изучение проблемы. Большинство авторов этого периода стремились доказать реакционную сущность религии вообще и ислама в частности, не имеющего перспектив развития в стране [5], вскрыть реальные источники финансирования религиозных институтов [13], а также показать их использование государственным аппаратом управления в своих целях [15, с. 145, 162].

В последующие годы тема мусульманского духовенства и его положения в российском обществе в годы Первой мировой войны редко становилась предметом изучения отечественной исторической науки. Вновь интерес к этой проблематике возник в конце столетия. Однако жесткая идеологическая предопределенность, характерная для советской науки, сменилась в начале XXI в. стремлением рассматривать различные этносы империи как самостоятельные нации, развивавшиеся без какого-либо участия центральных российских властей, а нередко и вопреки действиям последних, что, конечно же, также искажает достоверность исторического знания.

Так, часть авторов утверждает, что российское государство было исключительно русским и православным, негативно, а порой и репрессивно, относящимся ко всем другим конфессиям, в том числе и к исламу. Например, М. Я. Аскеров полагает, что в Российской империи было разрешено существование только одной государственной национальности [6, с. 84]. Схожей точки зрения придерживается Д. М. Усманова, утверждающая, что российское государство слабо влияло на мусульманскую часть населения, так как, по ее мнению, школа, пресса и, в особенности, религиозные институты, были вне зоны его реального воздействия [23, с. 81].

Другие авторы отмечают, что российское правительство не демонстри-

ровало особой национальной или конфессиональной нетерпимости и проведения насильственной русификации народов империи; было, скорее, вызванное обеспокоенностью угрожающими государственной целостности идейными течениями пантюркизма и панисламизма, стремление обеспечить политику большей административно-правовой централизации [7, с. 337; 21, с. 194].

В последнее время появилось большое количество работ, раскрывающих деятельность армейского духовенства в годы Первой мировой войны. В этих исследованиях подвергаются анализу отдельные аспекты деятельности мусульманских военных мулл [2, с. 42–44; 4; 12].

Так, О. В. Осипов исследует, в каких армейских структурах и звеньях создавались должности военных мулл, показывает их обязанности [19], К. Г. Капков приводит штаты мусульманского духовенства [14], Д. И. Арапов раскрывает деятельность специального духовного департамента МВД по обеспечению армейских структур военными муллами [3, с. 421], а Х. М. Абдуллин анализирует нормативно-правовую основу деятельности мусульманского военного духовенства [1].

А. П. Беляков акцентирует внимание на соблюдении веротерпимости на флоте, указывая, что, помимо ведения миссионерской деятельности, никаких других запретов на совершение служб и обрядов не существовало [8]. В тоже время В. П. Кравчук отмечает, что проблема свободы вероисповеданий решалась российским государством исключительно утилитарно, через призму обеспечения победы в войне [16]. И. К. Загидуллин, исследуя со-

держание мулл военным ведомством, справедливо отмечает, что исполнение принятых законов об оплате услуг гражданских мулл упиралось в наличие финансовых средств и на желание руководителей военных округов и командиров [11].

По мнению О. Н. Яницкого, социальные ресурсы (знания, умения, связи) представляют собой динамическую неустойчивую систему, требующую постоянного внимания, вложений и совершенствования [26]. При этом в условиях тяжелой, затягивающейся войны происходило ухудшение экономического положения, истощение ресурсов, приводившие к увеличению социальной напряженности на местах, в том числе и в регионах с мусульманским населением, на что совершенно справедливо указывал Р. Г. Ланда [17, с. 57–72]. А то, что рост межконфессиональных конфликтов может приводить к росту националистических настроений, подметил еще Э. Хобсбаум [24].

Часть современных исследований посвящена изучению деятельности государственных органов по обеспечению социальной защищенности населения страны в годы войны. Например, в работе Ю. В. Щербининой [25, с. 200–204] даны общие положения, характерные для всей страны, а вот мусульманское население, и муллы в частности, не выделяются в отдельную группу исследования. Авторы Н. Л. Пушкарева и П. П. Щербинина, раскрывая положение о призрении нижних чинов и их семей 1912 г., совершенно справедливо отмечают возникновение в стране впервые регулярной системы помощи ближайшим родственникам. Но, как и многие другие, они не выделяют в сво-

ем исследовании мусульманских групп населения [20, с. 149].

Нельзя не согласиться с В. В. Михайловым, что правительство учитывало вступление в войну против России Османской империи, а потому противодействие панисламистской агитации и пропаганде приобрело в это время особое значение [18, с. 263–265].

Меры социальной поддержки отдельных категорий населения стали разрабатываться в России незадолго до начала Первой мировой войны. Наиболее известным нормативным актом этого периода стал закон «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» от 25 июня 1912 г. Он сыграл важную роль в сохранении стабильности обстановки в тылу действующей армии. Впрочем, при его помощи не удалось преодолеть влияния роста цен, порожденного инфляцией, политической нестабильностью, утверждавшейся в российском обществе в период военных неудач [10].

Для привлечения на свою сторону мусульман использовали и денежную помощь, которую получало духовенство и мусульманские общественные деятели для организации проведения религиозных праздников — Навруза и Уразы-байрама [18, с. 264]. А в 1914 г. было созвано специальное межведомственное совещание «для обсуждения деталей устройства духовного управления, таких как штаты, оклады и тому подобное, были приглашены представители мусульманского духовенства» [18, с. 264].

Съезд представителей мусульманской общественности в конце 1914 г. выработал проект, по которому «нижнее мусульманское духовенство

должно было получать определенное содержание — наполовину от казны, наполовину от приходских обществ. Размер содержания, согласно этому проекту, должен был быть в городах не менее 600 руб. в год для муллы (имам) и 300 руб. для муэззина, и, соответственно, не менее 400 руб. и 200 руб. в селениях [15, с. 152]. Для служащих «средних и высших духовных учреждений» (без обозначения числа служащих в них) этот же проект съезда намечал еще более высокую шкалу «вознаграждения» — от 800 руб. у секретаря до 6 000 руб. в год у Шейх-уль-Ислама.

Претензии, надо признать, у делегатов съезда были завышенные, так как, например, содержание православного духовенства от казны, установленное с 1893 г., было существенно меньше. Так, в 1916 г. на священника выделялось 600 руб. в год, на диакона — 300, а на псаломщика — 200 [22].

И хотя мировая война не дала возможности реализовать этот мусульманский проект [15, с. 153], правительство стремилось принимать все меры к тому, чтобы мусульманское население империи не было увлечено исламистскими лозунгами Турции, а духовенство было заинтересовано в сотрудничестве с властью. Взгляды военного министра на мусульманскую проблему в начале 1915 г. изложил Н. Зинченко: «Последствия настоящей войны неизбежно отразятся на всем мирозерцании мусульман... Поэтому надо направить соответственно мышление наших мусульман, постепенно ввести их в смысл и значение свершающихся событий и надлежало подготовить к восприятию нового представления о мировом смысле ислама» [18, с. 264].

Но по закону обеспечивать деятельность мулл должны были сами верующие. На основании Свода законов империи «Содержание приходского мечетского духовенства лежит на обязанности приходского /мечетских/ обществ. Размер сего содержания определяется особыми приговорами»¹. Но, как указывало 21 апреля 1916 г. Закавказское шиитское Духовное правление, статья эта при избрании приходских мулл на должности и составлении о том приговоров не применялась ввиду неправильного ее перевода на татарский язык в изданном в Канцелярии Наместника в 1872 г. Высочайше утвержденном «Положении об управлении Закавказского мусульманского духовенства Шиитского учения», где говорилось, что «содержание мечетских мулл лежит на обязанности приходских обществ и размере сего содержания определяется отдельными распоряжениями».

С назначением Великого Князя Николая Николаевича Наместником на Кавказе муллы со всех концов края стали выходить с просьбами дать такое распоряжение. Так, 23 февраля 1916 г. приходские муллы Шемахинского уезда Бакинской губернии обратились к Наместнику с просьбой назначить им содержание, так как они занимали штатные должности по обслуживанию приходских обществ. С подобной же просьбой обращались в Эриванский Шиитский Губернский Меджлис приходские муллы с разных концов Эриванской губернии².

Шиитское духовное правление, опираясь на эти прошения, вышло с

ходатайством об исправлении перевода Положения и о составлении вновь каждым приходским обществом приговора о назначении своему приходскому мулле ежегодного содержания, не менее 300 руб. в год, которые предлагалось взимать вместе с прочими земскими сборами, вносить в казначейство в особый депозит и ежемесячно, распоряжением уездных начальников, отпускать приходскому духовенству³.

В то же время Совет Министров разработал, а Император утвердил 13 марта 1915 г. «Временные Правила о дополнительных из казны пособиях служащим в учреждениях гражданского ведомства в районах военных действий», которыми предусматривалась выплата суточных денег самим служащим и ежемесячные выплаты денег по найму квартир семьям служащих, проживающих отдельно от глав семей по военным обстоятельствам [9, с. 546].

К районам военных действий 17 ноября 1915 г. были отнесены Кавказ и Таврическая губерния (император утвердил это решение Совета Министров 6 декабря), т.е. зоны, где вели свою деятельность мусульманские духовные правления: Таврическое и Закавказские суннитское и шиитское.

Уже 13 февраля 1916 г. МВД распространило циркулярное письмо по духовным правлениям с просьбой составить списки лиц, которым положены такие пособия. Причем делалось это задним числом и за прошлый год (1915, с 1 ноября), и на полгода вперед за 1916 г.⁴

При этом департамент общих дел МВД разъяснял, что «канцелярские чиновники, канцелярские служители

¹ См.: Т. XI, Ч. 1, ст. 1468 (изд. 1896 г.)

² Государственный исторический архив Азербайджана (ГИААз). Ф. 290. Оп. 2. Д. 3278. Л. 21.

³ Там же, Л. 21 об.

⁴ ГИААз. Ф. 290. Оп. 2. Д. 3470. Л. 1 с об.

и вольнонаемные служащие, исполняющие общие канцелярские обязанности по письменной части, ...получают суточные деньги в размере Восемьдесят коп. в день, независимо от оклада получаемого ими содержания; ...все же прочие – соответственно пятой, шестой, седьмой и восьмой категориях вольнонаемных служащих по означенному расписанию, в зависимости от оклада получаемого ими содержания»¹.

Насколько эта мера была насущной и ожидалась с нетерпением, говорит тот факт, что Закавказское шиитское Духовное правление представило списки своих представителей в Тифлисское Губернское правление уже через два дня.

Правление рассчитало размер пособия Председателю и членам Правления, самостоятельно определив класс чиновников, исходя из так называемых прогонных денег, выделяемых государством на командировки или переезды служащим мусульманского духовного Правления. Шейх-уль-Исламу при командировках выделялись прогонные на шесть лошадей, а членам Правления – на четыре лошади, что соответствовало для Председателя – V классу российских чиновников, а для вторых – VI классу. Хотя по Положению об управлении Закавказского Мусульманского Духовенства у этих должностей не было определено никаких классов².

Более того, члены Правления решили, что ежесуточные суммы, рассчитанные исходя из класса должности, у членов Правления будут такие же, как и у секретаря: по 1 руб. 75 коп. По их мнению, это было неправильным, т.к. должности членов Правления были

выше, и решили увеличить размер суточных до 2 руб. каждому члену (как это было предусмотрено Временными Правилами для чиновников VI класса) [9, с. 550–551], а самому Шейх-уль-Исламу подняли суточные с 2 руб. 50 коп. до 4 руб. (как чиновнику IV класса).

Но во Временных Правилах было четко указано, что все вольнонаемные служащие, получающие содержание свыше 600 руб. и до 1000 руб. в год, имеют право на суточные в размере 1 руб. 25 коп. А у членов Правления и был оклад годового содержания в размере 600 руб., у секретаря 800 руб., а у Шейх-уль-Ислама – 1600 руб. в год. То есть ни о каких двух рублях суточных денег, или даже о 1 руб. 75 коп., для членов Правления нельзя было и говорить³.

По представленной Закавказским шиитским духовным Правлением ведомости на семь человек служащих (председатель, два члена Правления, секретарь, два его помощника и канцелярский служащий) за ноябрь-декабрь 1915 г. было необходимо затребовать от казначейства 1386 руб. На первую треть (январь – апрель) 1916 г. Правление также запрашивало 1386 руб., в то время как эта треть насчитывала в два раза большее количество дней – не 60, а 120. И опять такую же сумму – 1386 руб. Правление предполагало получить и во вторую треть года (май – август), хотя продолжительность ее была еще больше – 123 дня⁴. Другими словами, шиитское духовное Правление вело расчет приблизительно, не точно, стремясь не обделить всех своих служащих и, по возможности, выбить от государства побольше денежных средств.

¹ Там же, Л. 2.

² Там же, Л. 3 с об.

³ Там же, Л. 4 с об.

⁴ Там же, Л. 12, 14.

Однако в марте 1916 г. МВД разъяснило, что из списков получателей исключены сторожа, в том числе и сторож управления мусульманского духовенства, т.к. они в категорию получателей суточных денег не входили. А всем, кто временно исполнял обязанности, надлежало платить по прежней должности (которую фактически занимало данное лицо), т.е. в гораздо меньших размерах¹.

Получив новые указания, шиитское духовное правление подготовило новые ведомости, где Председателю полагалось по 2 руб. 50 коп. в сутки, членам Правления по 2 руб., а секретарю – 1 руб. 25 коп., всем же остальным по 80 коп. в сутки, как это и было предусмотрено Временными правилами. При этом Правление уже стало строже подходить к расчету потребных сумм, учитывая точно и количество дней, и положенные суммы денег. По их расчету получалось, что за период с 1 ноября 1915 г. по 1 мая 1916 г. служащим шиитского духовного Правления требуется выплатить суммы в размере 1847 руб. 30 коп.²

Но 10 июля 1916 г. Канцелярия Наместника уведомила Тифлисского губернатора, что имеют право на получение суточных денег только служащие в мусульманских суннитском и шиитском духовных Правлениях, в то время как согласно примечанию 1 к статье 1 приложения к пункту 1 отдела I Временных Правил «настоящие Правила не распространяются... на священно- и церковнослужителей», и, следовательно, духовные лица удовлетворению суточными деньгами не подлежат³ [9, с. 546, 547].

¹ Там же, Л. 15.

² Там же, Л. 18, 19.

³ Там же, Л. 32.

Следовательно, и Председатели, и члены духовных Правлений оказались исключенными из числа получателей денежной помощи от казны. В Закавказском шиитском духовном Правлении, в результате, осталось только четверо получателей: секретарь, его помощник, канцелярский чиновник и канцелярский служащий. Это были самые низкооплачиваемые категории служащих Правления. Из них только секретарь, имевший классный чин (IX), получал 1 руб. 25 коп. в сутки. Все остальные получали по 80 коп. в сутки, что надо признать существенным увеличением получаемого ими дохода. К примеру, помощник секретаря Правления имел годовой оклад в размере 420 руб., а канцелярский служащий и того меньше: 240 руб. И получение каждым из них суточных денег в размере 292 руб./в год практически уравнивало их в уровне доходов с членами Правления, получавшими от прихожан по 600 руб./в год.

Наконец, были составлены новые сметы, которые установили, что служащие шиитского духовного Правления получили за 1915 г. 222 руб. 65 коп., за январь-апрель 1916 г. еще 438 руб., за май-июнь 1916 г. получено 222 руб. 65 коп. и за период с 1 января по 1 мая 1917 г. – еще 438 руб.⁴

Несмотря на то, что требовательных ведомостей за июль-декабрь 1916 г. не сохранилось, но так как таковые выплаты и по той же схеме производились и в 1917 г., можно смело утверждать, что аналогичным образом выплата суточных осуществлялась и во второй половине 1916 г., т.е. было выплачено еще 671 руб. 60 коп. Таким образом, служащие шиитского духовного Правления

⁴ Там же, Л. 20, 21, 24, 25, 27, 28.

за полтора года получили из казны всего 1992 руб. 90 коп. (подсчет автора).

За шесть месяцев с ноября 1915 г. по апрель 1916 г. Тифлисскому губернатору отпускалось для этих нужд всего 125 685 руб. 35 коп.¹ Если считать, что на поддержку служащих шиитского и суннитского духовных Правлений было выделено каждому по 664 руб. 30 коп. (подсчет автора), то это составит всего 1% от общей суммы затрат казны на эти цели.

Таким образом, рост социальной напряженности в обществе, вызванный ухудшением материального положения населения, заставлял органы государственного управления искать и применять те меры, которые бы не позволяли этому недовольству перейти опасную черту неповиновения. Одной из таких мер и была адресная помощь отдельным социальным группам, в том числе и мусульманскому духовенству.

Реализация этих решений во многом зависела от централизованного выделения бюджетных средств, возможности которых были ограничены, и поэтому денежная поддержка оказывалась только тому мусульманскому

духовенству, которое находилось на театре военных действий (в прифронтовой зоне). Оренбургское духовное Собрание, как орган управления мусульманами внутренней части России, не находился на территории военных действий и также эту помощь не получал. Единых органов управления мусульманами Северного Кавказа создано не было, а значит, и выплачивать ничего не требовалось.

Следовательно, расходы казны на эти цели не являлись ни значительными, ни обременительными. В то время как для конкретных людей они составляли существенное увеличение их доходов, тем более важное в условиях вызванной войной высокой инфляции.

Переход части служащих мусульманских духовных правлений на снабжение через государственное казначейство, фактически означал, что правительство брало на себя ответственность и обязанность по его содержанию, т.е. происходило, в определенной степени, огосударствление ислама.

Статья поступила в редакцию 04.03.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллин Х. М. Мусульманское духовенство и военное ведомство Российской империи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007. 23 с.
2. Арапов Д. Ю. «Можно отметить ряд высоких подвигов воинской доблести, проявленных мусульманами» // Военно-исторический журнал. 2004. № 11. С. 42–44.
3. Арапов Д. Ю. Мусульмане России в годы Первой мировой войны // Ислам в мультикультурном мире: сборник статей международной конференции (13–17 ноября 2013 г.). Казань: Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, 2014. С. 418–425.
4. Арапов Д. Ю. Учредить штатные должности магометанских мулл // Военно-исторический журнал. 2003. № 4. С. 72–75.
5. Аршаруни А., Табидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М.: Безбожник, 1931. 140 с.
6. Аскеров М. Я. Изменения в национальной политике Российской империи на Северном Кавказе в годы Первой мировой войны // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2014. Том 10. № 3. С. 83–85.

¹ Там же, Л. 15.

7. Бахтурина А. Ю. Окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914 – 1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004. 392 с.
8. Беляков А. П. История флотского духовенства и его роль в воспитании военных моряков дореволюционной России. 2008. 614 с. [Электронный ресурс] // ДелоРус [сайт]. – URL: <http://www.delorus.com/medialibrary/detail.php?ID=2292> (Дата обращения: 26.12.2018).
9. Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т. I: июль 1914 г. – апрель 1915 г. Пг.: Юридический книжный магазин Н. К. Мартынова, 1915. 728 с.
10. Грудина А. Д. Законодательные основы социальной поддержки семей нижних чинов Русской Армии в годы Первой мировой войны: проблемы и решения // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Вып. III. Брянск: Курсив, 2017. С. 63–69.
11. Загидуллин И. К. Особенности соблюдения религиозных прав мусульман в российской сухопутной регулярной армии в 1874–1914 гг. // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies [Online]. 2009. Issue 10. – URL : <http://journals.openedition.org/ripss/3745> (дата обращения: 26.12.2018).
12. Исхаков С. М. Вместе или порознь. Тюрки–мусульмане в российской армии в 1914–1918 гг. // Татарский мир. 2004. № 15–16. С. 3–6.
13. Кандидов Б. П. Церковный фронт в годы мировой войны. М.: Атеист, 1929. 158 с.
14. Капков К. Г. Памятная книга российского военного и морского духовенства. М.: Информационный центр «Летопись», 2008. 752 с.
15. Климович Л. И. Ислам в царской России. Очерки. М.: ГАИЗ, 1936. 225 с.
16. Кравчук В. П. Проблема свободы вероисповеданий в русской армии во второй половине XIX – начале XX веков: автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 2005. 24 с.
17. Ланда Р. Г. Мусульманский мир и Первая мировая война // Восток. 2004. № 1. С. 57–72.
18. Михайлов В. В. Опыт диалога культур и партнерства в политике российского государства в отношении тюркских мусульман в период Первой мировой войны // Диалог культур и партнерство цивилизаций. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2009. С. 263–265.
19. Осипов О. В. Священник в армии // Вопросы управления. 2011. Вып. 3 (16). С. 40–48.
20. Пушкарева Н. Л., Щербинин П. П. Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 2. С. 147–162.
21. Соболев В. Г. «Мусульманский вопрос» в Российской империи в годы Первой мировой войны (1914 – 1916 гг.) (по материалам Российского государственного исторического архива) // Клио. 2015. № 3. С. 188–197.
22. Украинцев П. Реформы и сельское духовенство в конце XIX – начале XX века, 13.03.2018 [Электронный ресурс] // Московская Сретенская духовная семинария. – URL: <http://www.sdsmp.ru/news/n7347/> (Дата обращения: 26.12.2018).
23. Усманова Д. Российские мусульмане и пропаганда в годы Первой мировой войны (1914 – 1916 гг.) // Acta Slavica Japonica University. 2016. Tomus 37. P. 73–101.
24. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб.: Алетейя, 1998. 119 с.
25. Щербинина Ю. В. Социальные практики и призрение военных инвалидов в Российской империи в XIX в. // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 7–8. С. 200–204.
26. Яницкий О. Н. Мобилизационный потенциал гражданского общества // Мир России. 2011. Т. XX. № 2. С. 113–124.

REFERENCES

1. Abdullin Kh. M. *Musul'manskoe dukhovenstvo i voennoe vedomstvo Rossiiskoi imperii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Muslim clergy and the military of the Russian Empire: abstract of PhD thesis in Historical sciences]. Kazan, 2007. 23 p.
2. Arapov D. Yu. [It is possible to note a number of high feats of valor displayed by the Muslims]. In: *Voенно-istoricheskii zhurnal* [Military Historical Journal], 2004, no. 11, pp. 42–44.
3. Arapov D. Yu. [The Muslims of Russia during the First world war]. In: *Islam v mul'tikul'turnom mire: sbornik statey mezhdunarodnoy konferentsii (13–17 noyabrya 2013 g.)* [Islam in a multicultural world: collection of articles of the international conference (13–17 November 2013)]. Kazan, Kazan Federal University Publ., 2014, pp. 418–425.
4. Arapov D. Yu. [To establish posts Mohammedan mullahs]. In: *Voенно-istoricheskii zhurnal* [Military Historical Journal], 2003, no. 4, pp. 72–75.
5. Arsharuni A., Gabidullin Kh. *Ocherki panislamizma i pantyurkizma v Rossii* [Sketches of pan-Islamism and pan-Turkism in Russia]. Moscow, Bezbozhnik Publ., 1931. 140 p.
6. Askerov M. Ya. [Changes in the national policy of the Russian Empire in the North Caucasus during the First world war]. In: *Vestnik Instituta istorii, arheologii i ètnografii* [Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography], 2014, vol. 10, no. 3, pp. 83–85.
7. Bakhturina A. Yu. *Okrainy rossiiskoi imperii: gosudarstvennoe upravlenie i natsional'naya politika v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1917 gg.)* [Outskirts of the Russian Empire: administration of the state and national politics during the First world war (1914–1917)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 392 p.
8. Belyakov A. P. [The history of naval clergy and its role in the education of sailors pre-revolutionary Russia, 2008]. In: *DeloRus*. Available at: <http://www.delorus.com/medialibrary/detail.php?ID=2292> (accessed: 26.12.2018).
9. *Vazhneishie zakony, ukazy i rasporyazheniya voennogo vremeni. T. I: iyul' 1914 – april' 1915 gg.* [Key laws, decrees and orders of wartime. Vol. I: July 1914 – April 1915]. Petrograd, Yuridicheskii knizhnyi magazin N. K. Martynova Publ., 1915. 728 p.
10. Grudina A. D. [The legislative framework of social support for families of the lower ranks of the Russian Army during the First world war: problems and solutions]. In: *Rossiya v epokhu politicheskikh i kul'turnykh transformatsii. Vyp. III* [Russia in the era of political and cultural transformations. Iss. III]. Bryansk, Kursiv Publ., 2017, pp. 63–69.
11. Zagidullin I. K. [Features of the observance of the religious rights of Muslims in the land of Russian regular army in 1874–1914]. In: *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies (online journal)*, 2009, no. 10. Available at: <http://journals.openedition.org/pipss/3745> (accessed: 26.12.2018).
12. Iskhakov S. M. [Together or apart. Turkic Muslims in the Russian army in 1914–1918]. In: *Tatarskii mir* [Tatar world], 2004, no. 15–16, pp. 3–6.
13. Kandidov B. P. *Tserkovnyi front v gody mirovoi voiny* [Church front in the world war]. Moscow, Ateist Publ., 1929. 158 p.
14. Kapkov K. G. *Pamyatnaya kniga rossiiskogo voennogo i morskogo dukhovenstva* [Commemorative book of the Russian military and sea clergy]. Moscow, Informatsionnyi tsentr «Letopis'» Publ., 2008. 752 p.
15. Klimovich L. I. *Islam v tsarskoi Rossii. Ocherki* [Islam in tsarist Russia. Essays]. Moscow, GAIZ Publ., 1936. 225 p.
16. Kravchuk V. P. *Problema svobody veroispovedanii v russkoi armii vo vtoroi polovine XIX – v nachale XX vekov: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The problem of freedom of creeds in Russian army in second half XIX – the beginning of the XX centuries: abstract of PhD thesis in Historical sciences]. Saint Petersburg, 2005. 24 p.

17. Landa R. G. [The Muslim world and the First world war]. In: *Vostok* [East], 2004, no. 1, pp. 57–72.
18. Mikhailov V. V. [The experience of the dialogue of cultures and partnership policy of the Russian state against the Turkic Muslims during the First world war]. In: *Dialog kul'tur i partnerstvo tsivilizatsii* [Dialogue of cultures and partnership of civilizations]. Saint Petersburg, Saint-Petersburg University of The Humanities and Social Sciences Publ., 2009, pp. 263–265.
19. Osipov O. V. [A priest in the army]. In: *Voprosy upravleniya* [Management Issues], 2011, no. 3 (16), pp. 40–48.
20. Pushkareva N. L., Shcherbinin P. P. [Organization of charity families of the lower ranks during the First world war]. In: *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 2005, vol. 3, no. 2, pp. 147–162.
21. Sobolev V. G. [The “Muslim question” in the Russian Empire during the First world war (1914–1916) (on materials of Russian state historical archive)]. In: *Klio* [Klio], 2015, no. 3, pp. 188–197.
22. Ukrainsev P. [Reform and rural clergy in the late XIX – early XX century, 13.03.2018]. In: *Moskovskaya Sretenskaya dukhovnaya seminariya* [Moscow Sretensky theological Seminary]. Available at: <http://www.sdsmp.ru/news/n7347/> (accessed: 26.12.2018).
23. Usmanova D. [Russian Muslims and propaganda during the First world war (1914–1918)]. In: *Acta Slavica Iaponica University*, 2016, vol. 37, pp. 73–101.
24. Hobsbawm E. *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda* [Nation and nationalism since 1780]. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 1998. 119 p.
25. Shcherbinina Yu. V. [Social practices and the charity war invalids in the Russian Empire in the XIX century.]. In: *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Social and Economic Phenomena and Processes], 2012, no. 7–8, pp. 200–204.
26. Yanitskii O. N. [The mobilization potential of civil society]. In: *Mir Rossii* [World of Russia], 2011, vol. 20, no. 2, pp. 113–124.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Подпрятков Николай Вячеславович – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России, Пермский государственный национальный исследовательский университет;
e-mail: podpryatov1961@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai V. Podpryatov – Dr. Sci. (History), Professor, Department of Russian Modern History, Perm State National Research University;
e-mail: podpryatov1961@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Подпрятков Н. В. Организация социальной поддержки мусульманского духовенства России в годы Первой мировой войны // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 3. С. 76–87.
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-76-87

FOR CITATION

Podpriatov N. Social Support for Russian Islamic Clergy During the First World War. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 3, pp. 76–87.

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-3-76-87